Фразеологизм как особый интертекст в аспекте межкультурной коммуникации

Е. В. Рыжкина
Московский государственный лингвистический университет

Аннотация
Работа посвящена вопросам функционирования фразеологических единиц в сфере межкультурной коммуникации. При этом основное внимание уделяется свойству интертекстуальности фразеологизмов как культурно-языковых знаков. В частности, автор исходит из того, что фразеологизмы, способные передавать различные виды культурной информации, являются по своей сути интертекстами. Их семантика формируется сетью ассоциативных связей с определенными прецедентными текстами, значимыми в данной культуре. Встраиваясь во вновь создаваемый текст как его элемент, фразеологизм создает в нем приращение смысла. Умение расшифровать культурно обусловленный смысл фразеологизма является важным фактором успешной вербальной коммуникации между представителями различных культур.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, текст, интертекст, прецедентный феномен, межкультурная коммуникация.

Как известно, для полноценного общения с представителями иной культуры недостаточно поверхностного знания иностранного языка. Без глубокого проникновения в соответствующую культуру невозможно адекватное понимание иноязычного текста, письменного и устного. Незнание особенностей картины мира, ментальности, системы ценностей, правил вежливости и пр. неизбежно создает коммуникативные барьеры, преодолеть которые весьма трудно с опорой лишь на языковую компетенцию. На этот факт единодушно указывают культурологи и специалисты в области межкультурной коммуникации (Т. В. Ларина, О. А. Леонтович, С. Г. Тер-Минасова, K. Fox, A. Wierzbicka и мн. др.).

Тем не менее не стоит недооценивать значимость языка, прежде всего, как инструмента познания культуры, ибо именно язык на всех своих уровнях, и особенно через систему значений, коннотаций и образов, демонстрирует черты мировосприятия и интерпретации полученного знания о мире, характерные для данного народа. По наблюдениям О. А. Леонтович, "когнитивный диссонанс в межкультурной коммуникации возникает из-за несоответствия проявлений категоризации и концептуализации действительности сквозь призму различных языков и культур" [4 , с. 55] (перевод с англ. наш. — *Е. Р.*).

Более того, языковое многообразие, как справедливо отмечает Н. Н. Болдырев, есть именно проявление интерпретирующей сущности

языка, то есть способности к "познавательной активности, которая в своих результатах направлена на понимание и объяснение человеком мира и себя в этом мире" [1, с. 26]. То есть каждый национальный язык отражает определенную модель репрезентации мира, как бы пропущенную сквозь фильтр культуры. Национально-культурные особенности языковой интерпретации можно проследить во всех системах языка. Но особенно отчетливо они сказываются на лексико-семантическом уровне. К примеру, значения, на первый взгляд, эквивалентных слов/выражений в разных языках на деле оказываются далеко не идентичными, так как за ними стоят разные структуры знания. Так, английское слово *sportsman* и его русский аналог *спортсмен*, демонстрируют лишь частичное совпадение своих семантических структур. Русское слово однозначно и обладает более широким значением ("человек, занимающийся спортом") в сравнении с английским. Соответствующий лексико-семантический вариант слова *sportsman* предполагает увлечение человека различными видами спорта, особенно на открытом воздухе. Это же слово может относиться к человеку, который предпочитает активный отдых, увлекается охотой, рыбалкой, играми, в том числе игрой на скачках. Но самое главное, слово *sportsman* вербализует культурный концепт, являющийся позитивной характеристикой человека: благородный, щедрый, честный человек, всегда "играющий по правилам". Данный концепт отличается, с одной стороны, многогранностью, а с другой стороны, некоторой размытостью границ. В результате в конкретном тексте, как правило, реализуется лишь один из его аспектов: благородство, честность/порядочность, благодушие, боевой дух и т.д. — по сути, это может быть любая черта характера, положительно расцениваемая в английской культуре. Таким образом, семантика слова *sportsman* дает представление об оценочном фрагменте языковой картины мира англичан. Русское слово в такой функции не выступает.

Незнание различий подобного рода часто провоцирует когнитивный диссонанс в ходе межкультурной коммуникации и как следствие вызывает коммуникативные сбои. Это еще в большей степени относится к фразеологии, которая, по определению, является культурно маркированной и потому фактически безэквивалентной частью лексического состава языка.

По меткому выражению В.Н. Телия, фразеологическая система — это "зеркало", в котором отражается национальное самосознание народа [3, с. 9]. Будучи весьма лаконичными средствами выражения, фразеологические единицы (ФЕ) характеризуются особо высокой степенью семантической компрессии, благодаря которой становится возможной аккумуляция большого объема культурного знания [2, с. 117] и, в частности, знания о ценностных ориентирах и морально-этической стороне жизни нации. В связи с этим В.Н. Телия указывает, что включенность в ФЕ "символов или эталонов миропонимания — это плод коллективного представления … лингвокультурной общности о некотором групповом опыте" [3, с. 249].

По этой причине одна и та же сущность, обозначаемая разноязычными фразеологизмами, может по-разному трактоваться сквозь призму их семантики. Так, часть книги "Бытие", повествующая историю Иосифа (Быт 37, 39–50), представлена во фразеологии многих европейских языков. В русской православной культуре любимый сын Иакова именуется *Иосифом Прекрасным*. Это — обобщенный образ, представляющий эталон совершенного человека, прекрасного во всех отношениях. Совсем иначе расценивается этот библейский персонаж в других лингвокультурах. Например, французский фразеологизм *faire son (le) Joseph / faire (le) Joseph* сфокусирован на эпизоде, когда Иосиф отвергает притязания жены Потифара, прельстившейся красотой юноши, и предпочитает лучше понести наказание по ложному обвинению (Быт 39: 7–20). Этот выбор квалифицируется в обыденном сознании современного француза как ханжество, что обусловливает отрицательную оценку данного выражения: наименование обычно используется в контекстах, описывающих человека, который "прикидывается скромником". Аналогично немецкий аналог, *ein keuscher Josef* (шутл. "целомудренный Иосиф"), типично используется в шутливом, ироничном смысле.

Аллюзийный характер многих фразеологизмов, способных вбирать в свою семантику целый рассказ о некотором событии или персонаже, дает им возможность "подключать" дополнительные знания и тем самым создавать информационную глубину и насыщенность текста, в котором они реализуются. Все это позволяет говорить о фразеологизмах как единицах интертекстуальных, создающих соприсутствие "текста в тексте". Иными словами, ФЕ обеспечивает приращение смысла во вновь создаваемом сообщении, то есть представляет собой *интертекст*. Однако в отличие от обычной аллюзии, отсылающей читателя или слушателя к тексту-источнику, фразеологизм, а вернее его значение, формируется в результате *переинтерпретации* исходного текста, пересмотра его сквозь призму культуры. По сути, это уже новый текст, передающий иное содержание по сравнению с оригиналом. Об этом свидетельствуют, в частности, проанализированные выше библеизмы, представляющие не столько библейский рассказ, сколько извлеченную из него мораль — в каждом случае свою.

Именно поэтому иноязычные фразеологизмы создают нам сложности как в плане употребления, так и интерпретации. Мы достаточно легко идентифицируем ФЕ как отсылку к известному тексту или событию, но при этом мы ошибочно подключаем свою систему знаний, ценностей и норм, забывая о возможных расхождениях. К примеру, ФЕ *блудный сын*, *prodigal son* и *verlorene Sohn* возникли как аллюзии на известную библейскую притчу и в целом означают идентичное понятие, но разнятся в части культурных коннотаций. Каждая из этих трех единиц сфокусирована на признаках, которые особенно значимы в соответствующей лингвокультуре, что находит отражение в семантике левого компонента. Так, компонент *блудный* русского оборота означает "заблудший". То есть в русском культурном пространстве *блудный сын* — это, прежде всего, человек, сбившийся

с пути, что вызывает у русского человека не осуждение, а сопереживание. Английский аналог сфокусирован на признаке "расточительный" (*prodigal*), что сурово осуждается в протестантской культуре и обусловливает отрицательную оценочность оборота в целом. Немецкая ФЕ *der verlorene Sohn* (букв. "потерянный сын") передает главным образом идею утраты.

Как следует из данных примеров, фразеологизмы, заимствованные из одного источника, могут приобрести в языке-реципиенте культурно обусловленные смыслы и коннотации. Умение встать на позицию своего собеседника и распознать эти смыслы является важным фактором успешной коммуникации между представителями различных культур.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н. Языковая интерпретация и структура сознания // Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Когнитивные исследования языка. Вып XXVII. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 25–35.
2. Рыжкина Е. В. Прецедентность имени в английской фразеологии // Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. Вестник Московского государственного лингвистического университета; вып. 20 (680). (Языкознание). М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 112–123.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. 288 с.
4. Leontovich O. Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective // Intercultural Communication: Theory and Practice. Вестник Российского университета дружбы народов. Том 19, №4 (Серия Лингвистика). М: РУДН, 2015. С. 49–55.

Сведения об авторе:

Рыжкина Елена Викторовна, к. ф. н., доцент, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; e-mail: phraseologinya@mail.ru

AN IDIOM AS A SPECIAL INTERTEXT FROM AN INTERCULTURAL PERSPECTIVE

Elena V. Ryzhkina

Candidate of Philology, Associate Professor, Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: phraseologinya@mail.ru

Abstract

The study highlights certain aspects of idioms' functioning in cross-cultural communication, with prominence given to their potentialities as intertextual signs. The author proceeds from the assumption that idioms as culture-specific

language units represent cultural knowledge: their semantics derives from an intricate network of associations with precedent texts and other cultural phenomena. Therefore, idioms can be regarded as natural intertexts comprising all relevant knowledge in a concise form. As an element of a newly created text an idiom contributes a lot to the resultant sense of the text. Being able to decipher the relevant meaning of an idiom on the basis of its cultural implications is an important factor in cross-cultural communication.

Key words: phraseology, idiom, text, intertext, precedent phenomenon, cross-cultural communication.

References:

1. Boldyrev, N.N. (2016). Yazikovaja interpretatsija i struktura soznanija [Linguistic Interpretation and the Structure of Consciousness]. In Antropotsentricheskij podkhod v kognitivnoj lingvistike [Anthropocentric Approach in Cognitive Linguistics]. *Kognitivnyje issledovanija yazika* [*Cognitive Studies of Language*]. Vol. XXVII. Moskva: Institut yazikoznanija RAN, Tambov: TGU imeni Derzhavina. S.25–35.
2. Ryzhkina, E.V. (2013). Pretsedentnost' imeni v anglijskoj frazeologii [Precedent Names in English phraseology]. In Novoje v leksikologicheskikh issledovanijakh: prejemstvennost' i innovatsii [Continuity and Innovation in Contemporary Lexicological Studies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [*Messenger of Moscow State Linguistic University*]. Vol. 20 (680). Moskva: MGLU. S. 112–123.
3. Telyja, V. N. (1996). Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury".
4. Leontovich, O. (2015). Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective. In Intercultural Communication: Theory and Practice. *Vestnik RUDN* [*Messenger of Peoples' Friendship University of Russia*]. Vol. 19. No. 4. Moskva: RUDN. S. 49–56.

"Сверхъестественные существа" в современном межкультурном дискурсе

Е. В. Рязанова
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

В статье рассматриваются концепты семантического поля "сверхъестественные существа" в английской и русской фольклорной традиции. Автор опирается на результаты лингвистического ассоциативного эксперимента, направленного на изучение понимания и интерпретации концептов современными носителями языка и культуры. Для эксперимента были